

А. П. Чеховъ въ Ялтѣ.

Пригодимъ изъ „Рос.“ описаніе г Плещеевымъ его визита къ А. П. Чехову, который въ настоящее время живетъ въ Ялтѣ.

А. П. чувствуетъ себя хорошо и выглядитъ вполне здоровымъ. Воздухъ Ялты, гдѣ поселился талантливый писатель, оказалъ самое благотворное вліяніе на его здоровье.

Чеховъ живетъ не въ самой Ялтѣ, а въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды отъ нея въ деревнѣ Ауткѣ. А. П. построилъ въ концѣ деревни, на горѣ, небольшой каменный домикъ, съ террасы котораго, выходящей въ садъ, открывается видъ на красивѣйшій горный пейзажъ и Черное море. Садикъ еще не разросся, но современнымъ онъ совершенно скроетъ домикъ отъ соседней дороги. Чехов-

скій домикъ—это милый уголокъ. Именно уголокъ, а не вилла, не дача, поражающая васъ особенной красотой, стилемъ, словомъ чѣмъ нибудь выдающимся. У Чехова уютно, мило и тишина, соблазнительная тишина, тогда какъ ближе къ Ялтѣ такой шумъ, крикъ, скрипъ колесъ, что трудно разговаривать.

Въ маленькомъ кабинетѣ Чехова безпорядокъ составляетъ главную достопримѣчательность; рукописи, книги, портреты безъ рамокъ, Левъ Толстой въ нѣсколькихъ видахъ, Суворинъ, Григоровичъ, Полонскій, Плещеевъ, В. Комиссаржевская, Горькій, Васнецовъ и т. д. Каминъ украшаетъ пейзажъ Левитана, представляющій сѣнокосъ ночью; вблизи этотъ пейзажъ кажется какими-то зелеными пятнами, а издали дѣйствительно смахиваетъ на сѣнокосъ.

На стѣнѣ въ кабинетѣ я замѣтилъ прибитое печатное объявленіе: „Здѣсь просятъ не курить“.

Засталъ я Антона Павловича совершенно одного. Во флигелѣ у него живетъ слуга, а въ домѣ никого, кромѣ хозяйки, да позванивающего ча-стенъко телефона. Чеховъ читалъ письмо.

— представьте, получилъ сейчасъ письмо отъ А. И. Урусова, улыбаясь обратился ко мнѣ Антонъ Павловичъ. Князь Урусовъ проситъ одного господина передать мнѣ письмо отъ 10 мая, а мнѣ доставили его сегодня. Милое, остроумное письмо съ того свѣта...

А. П. прочелъ изъ письма покойнаго Урусова нѣсколько строкъ: „я по болѣзни никуда не могу выходить, сижу дома, но не развожу нюней и думаю себѣ—ну Ваганьково, такъ Ваганьково. Врачи однако утверждаютъ, что пѣтъ „непосредственной“ опасности для жизни. И въ самомъ дѣлѣ: затаенное воспаленіе по сосѣдству съ голоднымъ мозгомъ — что тутъ опаснаго“.

Урусовская пронія и вмѣстѣ съ тѣмъ это равнодушіе къ тяжелому положенію, отлично рисуютъ спокойный характеръ А. И.

Объ Ялтѣ Чеховъ отзывался такъ: „Хорошо, красиво, — говоритъ онъ, — даже въ декабрѣ встрѣчаются такіе чудные дни, какъ сегодня, хотя, конечно, бываетъ скучновато... однообразно. Разумѣется, если пріѣхать сюда, да ничего не дѣлать... день, другой—и повѣсишься“.

Въ Ялтѣ Антонъ Павловичъ очень популяренъ. Его называютъ „нашъ Чеховъ“.

— Читали про нашего Чехова?—приходилось мнѣ слышать, какъ будто Чеховъ мѣстный уроженецъ. Въ скважъ магазиновъ портреты и книги Чехова. Словомъ, А. Пав. Чехова и его домикъ скоро внесутъ должно быть въ „Путеводитель по Ялтѣ“, какъ достопримѣчательность, и тогда талантливому писателю придется бѣжать отсюда. Пропадетъ его спокойствіе, пропадетъ плѣвняющая его тишина, столь необходимая для занятій. Чеховъ работаетъ не въ примѣръ большинству русскихъ литераторовъ, по утрамъ, до двѣнадцати часовъ дня. Иногда впрочемъ по старой привычкѣ занимается и по вечерамъ, но не до поздней ночи.

Есть у А. П. гдѣ-то въ Крыму, не подалеку отъ Ялты, еще уголокъ, куда онъ ѣздитъ работать, но туда еще не одинъ гость, кажется, къ нему не пропикать. Чеховъ молчитъ объ этомъ уголкѣ, скрываетъ его.